

УДК 378

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ В ЕГО ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

С. В. Дыханов

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 11 мая 2017 г.

Аннотация: автор на примере творчества писателя В. В. Будакова пытается разобраться в сущностном содержании такого понятия, как «литературно-педагогическое наследие».

Ключевые слова: образование, воспитание, художественный текст, наследие, литературно-педагогическое наследие.

Abstract: the author of the example of the writer's creativity V.V. Budakova tries to understand the essential content of such concepts as «literary and pedagogical heritage».

Key words: education, artistic text, heritage, literary and pedagogical heritage.

Научная терминология является необходимым инструментом при исследовании любой проблемы, в какой бы области человеческого знания она ни возникла. Именно поэтому, приступая к решению той или иной научной задачи, необходимо разобраться в этимологическом (первичном) значении терминов, которыми исследователь оперирует.

Художественное литературное произведение отличается от всякого иного печатного (буквенного) текста прежде всего тем, что может рассматриваться как объект самых разных гуманитарных, т.е. относящихся к изучению культуры и истории народов – философии, филологии, лингвистики, социологии, психологии, педагогики, наук. В последней отрасли гуманитарного знания, имеющей самое непосредственное отношение к воспитанию и образованию, исследователи обратились к такому весьма специфическому объекту, как художественный текст. Одновременно должен быть выбран и ракурс его рассмотрения, а также сформулирована научная проблема как таковая.

Определяя в общем виде объект изучения как литературно-педагогическое наследие писателя, попытаемся разобраться в сущностном содержании составляющих это определение понятий. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля можно найти лингвистические основания для понимания специфики педагогической науки, обращенной к определенным потребностям человека, а именно – потребности в нравственных установках и в знании об окружающем мире, его законах, о своей стране, ее месте в мировом

пространстве и о самом себе как субъекте, потребителе знания. В. И. Даль интерпретирует глагол «воспитать» как заботу о вещественных и нравственных потребностях человека: «научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно» [1, т. I, с. 249]. Образованным же составитель этого словаря считает «человека, обогащенного сведениями в противоположность невежде» [там же].

В трактовке Даля обращает на себя внимание объединение материальных и духовных потребностей и определенный прагматизм установок, что, на первый взгляд, «приземляет» задачи педагогики. Но свои коррективы, проясняющие мировоззренческое «наследие», вносит лексическая связь с существительным «след». Интегрируя значения всех слов в лексическом ряду – «наследовать, натоптать следов, набегать, покинуть след, наступать на след» – Даль определяет наследие как «имущество, переходящее от одного владельца к другому» [1, т. II, с. 470].

Если обобщить, всё сказанное свидетельствует, что наследуется не только материальное, вещественное, но и духовное «имущество». Потребности же в духовной пище – знании, впечатлениях, нравственных обретениях, – как известно, зависят не только от природы человека, от его способности чувствовать и воспринимать, но и от воспитания чувств, от побудительных импульсов извне, от обретенного жизненного опыта и т.п.

Эти общеизвестные истины служат постановке вопроса – что именно может дать художественное произведение, рассматриваемое в его педагогической функции, какого рода и каким образом можно унаследовать искомое и что именно сле-

дует отыскивать? Казалось бы, нет ничего проще, чем ответить на этот вопрос: достаточно обладать грамотой, т.е. умением читать, чтобы стать потребителем информации, поставленной произведением, т.е. ознакомиться с обликом изображаемой реальности, характерами персонажей, их взглядами на мир, личными взаимоотношениями и уяснить, что, по мнению автора, хорошо, а что – плохо.

Но при таком подходе нет никакой гарантии, что незримый след появится в душе читателя, что полученные сведения соответствуют авторским художественным идеям, что эта информация отвечает духовным запросам личности, не всегда осознающей, чего именно она хочет и что ей на- сущно необходимо. И здесь предполагается четкое осознание, в чем специфика литературы как искусства слова (чем, например, роман-эпопея «Война и мир» отличается от научной или популярной книги по истории).

Жизнеподобие, эмоциональное воздействие далеко не исчерпывают эти различия. Искусство, в отличие от науки, представляет образную систему, и его формы содержательны, а художественное слово многозначно, метафорично, зависит от разного контекста – внутритекстового, метатекстового, интертекстуальных связей и т.п. У художественного произведения есть своя логика, то, что подразумевается автором, не всегда лежит на поверхности. И если эти, главные, стороны художественного произведения оказываются вне сознания читателя, то ему, читателю, по существу, нечего наследовать, кроме представлений о сюжете и фабуле прочитанного.

Проблема современного литературного обучения именно в том, чтобы овладеть непростой наукой прочтения художественного текста. Тем не менее, вне зависимости от степени удовлетворительности решения подобной задачи, литературное наследие существует объективно, и потому необходимо осознание того, как именно этим наследием следует распорядиться наследникам.

То обстоятельство, что литература наряду с гуманитарными и естественными науками изучается в средней общеобразовательной школе, само по себе красноречиво. Но вопрос, насколько организация процесса обучения способна воспрепятствовать культурной амнезии и служить пропедевтике духовной жизни индивидуума, еще остается открытым для обсуждения. Педагогический потенциал литературного творчества зависит от того, является ли главной целью прочтения произведения его осмысление, а не ознакомление с фактографией; предпочитаем ли мы мыслительную деятельность готовому знанию, а долговременный результат – сиюминутному. Если обучение наце-

лено на понимание объекта изучения, то педагогический потенциал литературного наследия писателя будет реализован, так как осмысление текста помогает формированию у личности критического сознания, самостоятельного мышления, творческого, созидательного отношения к жизни. Кроме того, литературное наследие может служить «матрицей» такого образа мышления, которое отрицает прямолинейность и способствует постижению единства и взаимосвязей человека и природы, всего сущего в неделимой Вселенной. Полученное без личного напряжения и без собственных усилий, интеллектуальных и эмоциональных, знание окажется формальным и мертвым.

В таком ракурсе можно рассматривать творчество любого настоящего художника, избравшего сферой воплощения своих идей словесность. Выбор в качестве объекта изучения творений нашего земляка – Виктора Будакова обусловлен тем, что «краеведческая» проза этого писателя – нечто неизмеримо большее, чем изображение географического пространства, этнической общности или историко-культурной формации. Само название одной из множества книг автора – «Родина и Вселенная» [2], выбранной нами для анализа, объединяет часть и целое, в то же время уравнивает часть (Отчий край) с целым (космическое пространство). Такую идеологическую установку автор воплощает в создаваемой им модели Вселенной на локальной основе придонского Черноземья и модели Всемирной истории на основе прошлого и настоящего Отчего края. В. Будаков приобщает читателя к истории человечества и помещает его в безначальное и бесконечное космическое пространство. И в этом проявляются дидактические функции будаковского текста: автор обучает читателя преодолению собственного замкнутого физического существования, страха перед неизбежным небытием включением себя в мировое целое, познанию мира в себе и себя в мире.

Подзаголовок книги «Родина и Вселенная» – «лирические страницы» есть акцент на переживание былого Придонской земли в очень личном ключе, и повествователь, сопрягая на своих страницах вечность и современность, сплавляя их воедино, выступает в роли очевидца, участника, свидетеля событий, в том числе и событий древности, которые оставляют следы в преданиях и материальной культуре навсегда. Помогая читателю дотянуться до времен первоначального заселения воронежского края, он отождествляет себя с теми, для кого исторические события были их настоящим. Авторский взгляд на прошлое лишен отвлеченности: Будаков напоминает читателю, что совсем рядом с донскими просторами лежал

путь «из варяг в греки», порой проходящий и по Дону; что, по одной из исторических версий, битва полка Игоря состоялась близ теперешней Россоши, что посольства русские и ордынские встречались на реке Воронеж и т.п. В. В. Будаков помещает читателя внутрь исторического времени, и познание истории превращает в увлекательный процесс открытия в повседневности присутствия далекого прошлого.

Лирическая аура будаковского повествования обеспечивает читательское приобщение к авторскому видению и знанию о фактах (древнему названию реки Дон – Танаис и пребыванию на Дону скифов, киммерийцев, будинов и других древних племен), которые обретают иное дидактическое качество. Они, эти сведения, в корне отличаются от тех, что извлекаются из исторических монографий и учебников по истории России, своей «осердеченностью» и потому имеют долговременную перспективу прорастания в душе человека, становясь частью его духовной жизни.

В. Будаков не ограничивается напоминанием, что «провинция у нас – не только географическое понятие, но онтологическое, корневое, почвенное». Автор рассматривает родное Черноземье в онтологическом, бытийном аспекте, художественно реставрируя его исторический, культурный и природный облик. Природа, как известно, оказывает очень большое воздействие на национальную самоидентификацию личности и на патриотическую составляющую самосознания: недаром в русской эмиграции образ России ассоциируется с родными березками. «Летняя знойная сушь», «долгие осенние дожди», «зимняя тоска стылых морозов и унывых, бездомных вьюг» – эти, казалось бы, безрадостные впечатления детства являются частью общей картины с её разнообразными цветовыми деталями, весенними «светлосолнечными» днями, бело-розовыми яблоневыми садами и «кипенно-белыми вишенками». Сыновья любовь к малой родине лирического героя усиливается по мере освоения краевого пространства: сначала в пределах ближнего круга, по мере взросления все расширяющегося. Художественный «атлас» В. Будакова, включающий многие уже сошедшие «с карты земли» селения, хутора и деревни: Хрещатик, Батовку, Мирошников, Верхнее Киевское, Херсонский, хуторки: «Высокое, Ясное, Солонцы, Вершина, Берёзовка, Водяное, Архангельское», продлевают, вопреки реальности, их существование, воскрешая их названия, имеющие свою этимологию.

Душеполезность этой писательской акции состоит не в формальном знакомстве с былой и

сегодняшней топонимикой родного края, а в том, чтобы заразить читателя интересом к тому, что есть родина, с чего она начинается, и какую роль в ее познании играют топонимические характеристики, воплощенные в «именах мест». Порождая в сознании читателя вопросы: какой смысл вкладывали в эти названия насельники, связаны ли топонимы «Хрещатик» с религиозным ритуалом крещения, «Батовка» – с просторечным синонимом к слову «отец» – «батя», «Берёзовка» – с обилием именно этих деревьев, а географические наименования «Верхнее Киевское», «Архангельское», «Херсонский» – с географической ориентацией в общем пространстве России?

Сами размышления над смыслами, даже вне зависимости от результатов этих размышлений, способствуют *овладению наукой мыслить*. Ведь в ее основе лежит умение задавать тексту эвристические вопросы, вскрывающие причинно-следственные связи явлений, позволяющие проникать в их суть, убеждаться, что литературное наследие является неисчерпаемым кладом всевозможных загадок, бытовых и бытийных, а склонность к разгадыванию – основа возникновения нашей любознательности.

Внимание ко всем деталям литературного текста, а не только к его поверхностному содержанию, превращают произведения писателя в источник глубокого и всестороннего познания мира, широкой осведомленности – того, что определяется латинским словом «эрудиция» (просвещенность). Поиски истинных значений понятий, которыми оперирует автор, включение их в орбиту читательского внимания отсылают к особому роду справочным изданиям – всевозможным толковым, энциклопедическим, отраслевым и прочим словарям; в массовом употреблении сегодня отсутствует стойкая привычка в поисках смысла сверяться со словарями, и это тоже свидетельствует о кризисе образования, по Декарту, незнание значений слов и есть одна из причин половины заблуждений человечества.

В. Будаков на своих «лирических страницах» неоднократно обращается и к культурной энциклопедии Древней Руси, например, к «Хождению Пименова в Царь-Град» дьякона Игнатия Смольянина, сохранившемуся в Никоновской летописи. Автор предлагает «на миг представить», насколько деятельной была раннеславянская жизнь. Он уверен, что в те далекие времена тоже «были свои образы, предметы, памятники – густыми засевами ширились поля придонской восточнославянской культуры». Предлагает вспомнить, что средневековый арабский географ в конце IX в. назвал Дон «рекой славян».

Личность тогдашнего патриарха московского представлена здесь несколькими словами, но такими, что они по силе духовного воздействия не сравнимы с десятками страниц о Пимене в исторической и церковной литературе: «Пимен плыл по Дону, оставив позади, в верховьях реки поле Куликово, уже всерусски памятное. Не знаем, благословлял ли Преподобный Сергей Радонежский главу московской церкви на дальнейшее путешествие, князя московского Дмитрия на подвиг он благословлял, предрек победу, и об этом с немыслимой для тех времен быстротой узнала вся Русь. И объединительное, созидательное слово духовного подвижника было как трисиянный свет! Как свет и набат! Русская рать вышла на поле сечи и с мечом, и с хоругвью. Воистину – на сечу уходили дружины, с сечи возвращался народ!»

Достаточно обратиться к стилевому содержанию приведенного нами фрагмента, чтобы определить, как велик его семантический объем. Сильнейшее эмоциональное впечатление достигается при полном отсутствии ложной пафосности, при минимальности употребления средств языковой выразительности (всего лишь пара-тройка эпитетов и два сравнения в плотном кольце объективных фактов), крайнем лаконизме фактов, привлекаемых из древнего летописного первоисточника о путешествии Пимена.

В чем же удивительная магия этого поэтического опуса и в чем его *поучительная* ценность? Психологическая наука давно открыла нам, что в человеческом сознании «застревает» то, о чем говорится как бы мимоходом – «по поводу» и «кстати», но, конечно же, при обязательном условии значимости факта и яркости его словесного воплощения. Кроме того, развивающий эффект достигается, если есть почва для гипотетических предположений, когда носитель информации неявно направляет читателя, возбуждая его интерес. Вопросы возникают в связи с личностью Пимена (можно обратиться к житийной литературе или к летописной записи, или к тому и другому), к определённой исторической эпохе, представленной в будаковском фрагменте еще двумя замечательными ее деятелями – святым подвижником

Сергием Радонежским (сведения о нем в житийных книгах) и еще одним праведником – воителем князем Дмитрием, за победу в битве на Куликовом поле названным Донским.

Но в исторических справках мы не найдем самого главного – объяснения, что объединяло всех троих – патриарха, святого подвижника и русского князя, какова связь между духоподъемным словом, святоотеческим подвигом и ролью военных ратников в объединении всего народа. Все это и составляет внутреннее содержание авторского микротекста, продолжающего великую традицию русской классики – возбуждать вопросы в сознании читателя и побуждать его самого к поискам ответов. А это и есть интеллектуальный «тренинг» для овладения умением самостоятельного мышления.

В. Будаков – инициатор и редактор 30-томной серии книг «Отчий край» не забывает о писателях-земляках, и в личной культурной энциклопедии родного Черноземья отдает им должное и определяет, в чем именно состоит вклад в сокровищницу русской и мировой классики каждого из них. Но автор не ограничивается привлечением великих братьев по перу, он называет разные имена, в том числе священнослужителей, издателей, философов... И небольшая его книжечка поразительно богата теми самыми смыслами, обнаружение которых способствует развитию личности, ее нравственной ориентации, возникновению благодарности и любви к прошлому и вселяет надежду на будущее, потому что авторское слово обладает и объединительной, и созидательной силой. Таким образом, обладая силой воздействия на чувство и мысль читателя, слово писателя выполняет, кроме эстетической, воспитательную, дидактическую и развивающую функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Госиздат иностр. и нац. словарей, 1955.

2. Будаков В. И. Родина и Вселенная : лирические страницы : стихи / В. И. Будаков. – М. : Зарницы, 2009.

Воронежский государственный педагогический университет

Дыханов С. В., магистрант

E-mail: Sdyhanov@govvrm.ru

Тел.: 8-952-545-48-11

Voronezh State Pedagogical University

Dykhonov S. V., Undergraduate

E-mail: Sdyhanov@govvrm.ru

Tel.: 8-952-545-48-11